

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Л.В. Полубиченко

ДИМИНУТИВЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ИНДЕКСЫ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» И ИХ ПЕРЕДАЧА В ПЕРЕВОДЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена одному из сложных аспектов теории художественного перевода – воссозданию средствами иного языка и в ином культурном контексте речевого портрета персонажа художественного произведения. Материалом исследования послужило знаковое произведение отечественной литературы XX в. – роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и два его наиболее известных перевода на английский язык, выполненные М. Гленни в 1967 г. и Р. Пивером и Л. Волохонской в 1997 г. Насыщенность текста романа лексическими диминутивами разных типов позволила сформулировать гипотезу об их системообразующей роли в создании образов персонажей романа, известного своей сложной, многоярусной структурой. Диминутивность при таком подходе рассматривается как лингвистически релевантный личностный индекс. Исследование показало, что экспрессивные диминутивы в пространстве булгаковского романа обладают мощным индексальным потенциалом идентификации и типизации персонажей, установления их принадлежности к «своим» либо «чужим», предоставляя к тому же богатый ресурс комического тем героям, кто, подобно свите Воланда или самому автору-рассказчику, легко меняет голоса и маски, попадая в стан «чужих». В силу асимметрии грамматических систем русского и английского языков, однако, последовательное воспроизведение в переводе на английский язык построенной на лексической диминутивности системы речевых характеристик персонажей пока не представляется возможным, что не исключает наличия отдельных удачных переводческих решений.

Ключевые слова: диминутив; размерный диминутив; экспрессивный диминутив; перевод; художественный перевод; речевая характеристика; речевой портрет; М.А. Булгаков; «Мастер и Маргарита».

Полубиченко Лидия Валериановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lpolubichenko@mail.ru).

Диминутивы считаются «одной из характерных особенностей русской языковой картины мира» и сразу привлекают к себе внимание изучающих русский язык иностранцев, но с трудом поддаются освоению [Панков, 2018: 180]. Разнообразие их функций и речевое употребление основательно изучены русистами, особенно в последние годы, когда использование диминутивов стало все чаще признаваться чрезмерным и вызывать у некоторых специалистов – как, впрочем, и у простых носителей русского языка – раздражение, именуясь «нашествием», «экспансией», «символом мешанства», «противным сюсюканьем», «ироническим бравированием детскостью», свидетельством «психического инфантилизма», «речевой бедности» и пр. В многочисленных работах подробно описаны способы образования в русском языке (иногда в сопоставлении с другими языками) уменьшительно-ласкательных форм слов разной частеречной принадлежности, их этимология и история, тонкие нюансы семантики и прагматики, лексикализация, гендерные особенности употребления [Милославский, 2013; Фуфаева, 2016а; Фуфаева, 2016б; Шлыкова, 2018]. Опираясь на сделанные русистами выводы, мы сосредоточимся на основной проблеме настоящего исследования – роли экспрессивных лексических диминутивов в авторском замысле писателя и возможностях сохранения / передачи этих смыслов в переводе художественного произведения на английский язык, который, как известно, не обладает столь богатой и развитой морфологической системой, как русский, и в котором поэтому лексические диминутивы представлены крайне скупо [Буряковская, 2008].

Интересный материал для такого рода исследования предоставляет одно из самых известных произведений русской литературы – роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»¹, неоднократно переведившийся на английский язык. Будут рассмотрены два его популярных перевода, первый из которых был выполнен британцем Майклом Гленни (Michael Glenny, далее – Г.)² в 1967 г., практически сразу после выхода журнального варианта романа в СССР, а второй был создан тридцать лет спустя, в 1997 г., американским переводческим тандемом супругов Ричардом Пивером и Ларисой Волохонской (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky, далее – П., В.)³, один из которых является носителем русского языка и культуры.

¹ *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. URL: librebook.me/master_i_margarita (дата обращения: 08.04.2020).

² *Bulgakov M.* The Master and Margarita / Translated from the Russian by Michael Glenny. London: Collins and Harvill Press, 1967. URL: www.masterandmargarita.eu/estore/eben001_mastermargarita_glenny.pdf (accessed: 08.04.2020).

³ *Bulgakov M.* The Master and Margarita. Translated by Richard Pevear & Larissa Volokhonsky // Booksonline.com.ua. Penguin Books. 2001. URL: booksonline.com.ua/view.php?book=98638&page=129 (accessed: 08.04.2020).

Лексические диминутивы встречаются в тексте романа часто, но очень неравномерно, и при этом прослеживаются отчетливые корреляции между типами диминутивов и контекстом их употребления в романе (московские / ершалаимские главы, авторское повествование / речь персонажей, речевые портреты отдельных героев). Как известно, семантика диминутивности сочетает в себе указание на «меньший против нормы размер» с проявлениями широкого спектра эмоций и интенций [Милославский, 2013] – от ласкательности, сочувствия и симпатии («маленький – значит миленький») до иронии, самоуничижения, заискивания, пренебрежения и презрения, и надо сразу оговориться, что в некоторых случаях размерное и эмоциональное значения оказываются настолько тесно спаянными в конкретном словоупотреблении, что разделить их можно лишь условно. Выясняется, что в ершалаимских главах романа диминутивы встречаются исключительно в значении размерности и к тому же значительно реже, чем в московских главах. Сокращение количества происходит главным образом за счет речи персонажей, под которую периодически может подстраивать свой голос и автор-повествователь: дело в том, что речь отдельных действующих лиц московских глав отмечена особой склонностью к употреблению, причем именно экспрессивному употреблению, слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, становящихся для этих героев – если воспользоваться удачным термином В.И. Карасика – одним из «лингвистически релевантных личностных индексов». Специфика таких индексов состоит в том, что они проявляются «очень часто и помимовольно» прежде всего в бытовом общении, «весьма ограничены количественно» и идентифицируют говорящего как языковую личность определенной социальной принадлежности и статуса [Карасик, 2002: 18]. Ими умело пользуются художники слова, в первую очередь сатирики, чтобы минимальными средствами создавать живые, емкие и хорошо узнаваемые образы, что и станет предметом настоящего исследования.

Понятно, что типизированные в конкретной лингвокультуре речевые характеристики, подобно национально-специфическим реалиям, чаще всего оказываются неизвестными носителям иных языков и культур, что не может не создавать трудностей при переводе. Неслучайно воспроизведение речевого портрета персонажа средствами иного языка считается в художественном переводе одной из самых сложных задач, для решения которой переводчику приходится сначала заниматься поиском эквивалентов отнюдь не на уровне слов или словосочетаний, а среди устойчивых образов «типичных представителей» социальных слоев и групп, сложившихся

в культурах исходного языка и языка перевода. И только когда определен целевой социальный тип, максимально соответствующий оригинальному в культуре перевода, начинаются поиски соответствий языковых маркеров, или индикаторов, по которым реципиент переводного текста мог бы столь же легко и определенно, как и читатель произведения в оригинале, опознать и домыслить типизируемую писателем культурно-языковую личность. В нашем конкретном случае дело осложняется еще и очевидной асимметрией русского и английского языков в морфологическом плане.

Фокус исследования на переводе экспрессивных диминутивов обусловлен также и тем, что чисто размерные диминутивы (независимо от того, используются они в речи персонажей или в авторском повествовании), как показывает наш материал и подтверждают другие работы в этой области [Лескина, Слабко, 2015; Менькова, 2010], в принципе сложности для перевода не представляют и достаточно точно передаются либо аналитически – главным образом, словосочетаниями с прилагательным *little*, реже *small*, *tiny* и др., либо даже однословными эквивалентами, при этом нередко не содержащими семы «маленький», которая, однако, легко домысливается на основании контекста, например: *фигурка* – *little figure*, *фартучек* – *little apron*, *туфельки* – *little slippers*, *диванчик* – *small couch / little settee*, *маленькая головка* – *small / little head*, *домик* – *little house*, *малюсенький человечек* – *tiny little man / tiny man*, *лодочка* – *little boat / light boat*, *иконка* – *little ikon*, *столук* – *little / small table*, *шажки* – *little steps*, *книжечка* – *booklet*, *опрятная борода* – *neatly bearded / trim beard*, *веточки* – *branches / twigs*, *шапочка* – *cap*, *прозрачное облачко* – *translucent cloud / transparent cloud*, *речонка* – *runlet*, *зданьице* – *cabin / little structure*, *ветерок* – *breeze*, *беловатое пятнышко* – *whitish speck / dot* и пр. Вопрос, который было бы уместно рассмотреть в связи с этим материалом, – очевидная избыточность русского языка в выражении уменьшительности, особенно хорошо заметная по контрасту с английским, однако напрямую к переводческой проблематике это уже не относится.

Что же касается экспрессивных диминутивов, то, как уже было отмечено выше, они практически отсутствуют в ершалаимских главах романа, зато в московских – с их по большей части сатирической направленностью – становятся значимым средством речевого портретирования целого ряда героев, как центральных, так и второстепенных. Совокупность речевых образов проходных персонажей складывается в портрет коллективной культурно-языковой личности москвича 1930-х годов [Полубиченко, 2020], в котором одним из лингвистически релевантных личностных индексов вы-

ступает использование диминутивов для выражения подчеркнуто внимательного отношения к собеседнику, вплоть до заискивания, «подобострастия перед вышестоящими, готовности услужить и откровенного страха» [там же: 22].

• – *Что желаете надеть – халатик или пижамку?*

'What would you like to wear – a dressing gown or pyjamas?' (Г.)

'What would you like to put on – a dressing gown or some nice pyjamas?' (П., В.)

• – *А в чем дело? – тихо спросил Никанор Иванович, следуя за пришедшими, – у нас ничего такого в квартире не может быть... А у вас документки... я извиняюсь...*

'What's going on?' asked Nikanor Ivanovich as he followed them. 'You can't just burst into our flat like that... Where's your identity card if you don't mind?' (Г.)

"What's the matter?" Nikanor Ivanovich asked quietly, going after the visitors. "There can't be anything like that in our apartment... And – your papers... begging your pardon..." (П., В.)

• Буфетчик, вынужденный, преодолевая страх, вернуться в «нехорошую квартиру», образует уж совсем нелепое и потому особенно забавное слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом:

– *Я шляпочку забыл, – шепнул буфетчик, тыча себя в лысину.*

I forgot my hat,' whispered the barman, tapping his bald head. (Г.)

'I forgot my hat...' the barman whispered, pointing to his bald head. (П., В.)

Возможности тонкой нюансировки отношений, выражаемых русскими диминутивами в ходе межличностного взаимодействия, системно заложены в их семантике и далеко не ограничиваются проявлениями особого внимания и расположения (искреннего или притворного). Столь же богата и палитра передаваемых ими отрицательных коннотаций – тонкой иронии, издевки, едкого сарказма, шока, возмущения и даже угрозы.

• – *Доллары в вентиляции, – задумчиво сказал первый и спросил Никанора Ивановича мягко и вежливо: – Ваш пакетик?*

'Dollars in the ventilation shaft. ...' said the first man thoughtfully and asked Nikanor Ivanovich politely: 'Is this your little parcel?' (Г.)

"Dollars in the ventilation..." the first said pensively and asked Nikanor Ivanovich gently and courteously: "Your little wad?" (П., В.)

• – *Они [деньги] придут обратно, – отозвался Римский тихо, – а вот он сильно ответит за этот пикничок <...>*

'It'll come back,' replied Rimsky quietly, 'and then he'll pay dearly for this little picnic.' (Г.)

"It'll come back," Rimsky replied quietly, "but he'll have a hard time explaining this little picnic." (П., В.)

• Аннушка перекрестилась и подумала: “Да, уж действительно **квартирка** номер пятьдесят! Недаром люди говорят! Ай да **квартирка!**”

*She crossed herself and thought: 'It's that No. 50! No wonder people say it's **haunted** ...' (Г.)*

*Annushka crossed herself and thought: “Yes, indeed, a **nice little apartment**, that number fifty! It's not for nothing people say ... Oh, a **nice little apartment!**” (П., В.)*

• Быть может, еще не все струны сгнили в ее ростовщицкй **душонке**.

*Perhaps we can still touch a chord in her miserly **old heart**. (Г.)*

*Maybe not all the strings have rotted in her usurious **little soul**. (П., В.)*

Использование экспрессивных диминутивов пролетарским поэтом Иваном Бездомным, одним из центральных персонажей романа, в первых его главах и в конце служит четким индикатором глубинного перерождения личности. На смену агрессивно-саркастическим выпадам против окружающих приходит мягкая самоирония (табл. 1)

Таблица 1

Экспрессивные диминутивы как индикаторы личностного роста поэта Ивана Бездомного

– Типичный кулачок по своей психологии, – заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина, – и притом кулачок, тщателью маскирующийся под пролетария. <i>'A typical kulak mentality,' said Ivan Nikolayich, who obviously felt a sudden urge to attack Ryukhin. 'And what's more he's a kulak masquerading as a proletarian.'</i> (Г.) <i>“Psychologically, a typical little kulak,” Ivan Nikolaevich began, evidently from an irresistible urge to denounce Riukhin, “and, what's more, a little kulak carefully disguising himself as a proletarian.” (П., В.)</i> или <i>Раздался удар, но небьющиеся стекла за шторою выдержали его, и через мгновение Иван забился в руках у санитаров. Он хрипел, пытался кусаться, кричал: – Так вот вы какие стеклышки у себя завели!..</i> <i>'Fine sort of glass you put in your windows!' (Г.)</i> <i>“So that's the sort of windows you've got here!” (П., В.)</i>	Я ведь слово свое сдержу, стишков больше писать не буду. <i>You see, I'm going to keep my word, I shan't write any more stupid poetry. (Г.)</i> <i>I'll keep my word, I won't write any more poems. (П., В.)</i>

По употреблению экспрессивных диминутивов Коровьевым, членом свиты Воланда, можно безошибочно определить, с кем происходит его общение, так как «в своем кругу» диминутивов он не использует, зато при взаимодействии с москвичами полностью ко-

пирует, более того – утрирует почти до пародии, их типичное речевое поведение.

Тут Коровьев попросил **расписочку** на пять... <...> Произошло подсчитывание, пересыпаемое **шуточками** и прибаутками Коровьева, вроде “**денежка** счет любит”, “свой **глазок** – **смотрок**” и прочего такого же. <...> Пересчитав деньги, председатель <...> как-то не удержавшись, стыдливо попросил **контрамарочку**...

– О чем разговор! – взревел Коровьев, – сколько вам **билетиков**, Никанор Иванович, двенадцать, пятнадцать?

Ошеломленный председатель пояснил, что **контрамарок** ему нужна только **парочка**, ему и Пелагее Антоновне, его супруге.

Коровьев тут же выхватил блокнот и лихо выписал Никанору Ивановичу **контрамарочку** на две персоны в первом ряду. И эту **контрамарочку** переводчик левой рукой ловко всучил Никанору Ивановичу, а правой вложил в другую руку председателя толстую хрустнувшую пачку.

Приведенный фрагмент текста призван проиллюстрировать также и такую особенность языка романа, как личность автора-рассказчика, который, ведя повествование от третьего лица, не полностью выводит себя за его рамки, а напротив, то время от времени прямо напоминает читателю о своем присутствии непосредственными обращениями к нему (*За мной, мой читатель; прошу заметить; спросим мы; я не шучу; воскликнули бы мы* и т.д.), то, подобно Коровьеву, мимикрирует под кого-то из своих героев, начиная говорить его голосом. И в этом случае диминутивы вполне определенно выявляют особенности личности, однако уже не только персонажа, но и автора-рассказчика. Если первое упоминание контрамарочки (*попросил контрамарочку*) с оговоркой *стыдливо* явно воспроизводит доподлинные слова самого Никанора Ивановича Босого, то в дальнейшем провести грань между собственной авторской и несобственно-прямой речью едва ли получится, а попытка заменить повторяющиеся диминутивы на нейтральные номинации сразу выявляет озорство автора, а не персонажей, что и становится дополнительным источником комизма. В переводах, однако, авторское ёрничанье полностью исчезает вместе с непередаваемой экспрессивностью диминутивов, что случается регулярно и существенно искажает образ автора и писательский замысел: *receipt – witticisms – ‘better safe than sorry’ – free ticket – two complimentary tickets in the front row* (Г.); *receipt – quips and quiddities – “Your own eye won’t lie” – free pass – tickets – couple of passes – pass for two persons in the front row* (П., В.)

Возвращаясь к Коровьеву, отметим, что он, пожалуй, является, если так можно выразиться, «самым диминутивным» персонажем

в романе. Уже само описание его внешности, повторяемое на разные лады при каждом его появлении, сплошь состоит из весьма экспрессивных диминутивов, очень естественно вписывающихся в заявленный образ «наглого гаера», «развязного и глумливого»:

• *На маленькой головке жокейский кармузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок...*

On his small head was a jockey-cap and he wore a short check bum-freezer made of air (Г.)

A peaked jockey's cap on his little head, a short checkered jacket also made of air ... (П., В.).

• *<...> усишки у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические и полупьяные, а брючки клетчатые...*

<...> his feathery little moustache, his little eyes, mocking and half drunk, his check trousers (Г.)

<...> he had a little moustache like chicken feathers, tiny eyes, ironic and half drunk, and checkered trousers (П., В.).

Почти все эквиваленты, предложенные переводчиками, воспроизводят лишь указание на размерность предметов, не передавая эмоционально-образной составляющей булгаковских диминутивов, за исключением, возможно, только грубоватого сленгизма *bum-freezer* и определения *feathery* вместо буквализма *like chicken feathers*.

Неразлучные Коровьев и Бегемот иронично, а иногда с сарказмом называются в романе *парочкой* (то *неугомонной*, то *неразлучной*, то *диковинной*, то вообще без определений) как автором, так и Иваном Бездомным и даже один раз самим Воландом, для которого эта номинация оказывается одним из всего 3 случаев употребления им диминутивов, в целом для него не характерного. Предложенные переводы *couple* и *pair* (Г.), *pair* и *little pair* (П., В.) снова не отражают важных экспрессивно-оценочных коннотаций, а последний, размерный вариант грешит буквализмом и просто нелогичен, так как противоречит контексту рассказа Ивана о своей погоне за Коровьевым и Бегемотом.

Столь же несвойственна диминутивность и речи Маргариты: один раз применительно к глобусу Воланда она использовала слово *вещица*, с чем хозяин согласился (*Хорошая вещица*), а в другой раз, утешая ребенка, проснувшегося от устроенного ею в писательском доме погрома, употребила в качестве обращения диминутив *маленький*. В первом случае одному из переводчиков удалось обойтись местоимениями *anything* и *it* (Г.), во втором переводе вполне адекватным оказалось словосочетание *nice little object* (П., В.), соединяющее в себе значения размерности и экспрессивности; во втором случае были уместно использованы вполне узуальные обращения *Darling* (Г.) и *little one* (П., В.).

Мастер тоже не отличается особой любовью к диминутивам, которые массово появляются в его речи лишь тогда (и это тоже симптоматично в плане выполняемой ими функции личностных индексов), когда он повествует о недолгом периоде своей счастливой жизни в маленьком, но зато собственном подвальчике.

– *Нанял у застройщика две комнаты в подвале **маленького домика в садике**. <...> Ах, это был золотой век, – блестя глазами, шептал рассказчик, – совершенно отдельная **квартирка** <...> **маленькие оконца** над самым **тротуарчиком**, ведущим от калитки. <...> Зимой я очень редко видел в **оконце** чьи-нибудь черные ноги и слышал хруст снега под ними. <...> Я открыл **оконца** и сидел во второй, совсем **малюсенькой** комнате, – гость стал отмеривать руками, – так... вот диван, а напротив другой диван, а между ними **столлик**, и на нем прекрасная ночная лампа, а к **окошку** ближе книги, тут **маленький письменный столлик**, а в первой комнате – **громкая комната**, **четырнадцать метров**, – книги, книги и печка. Ах, какая у меня была обстановка!*

В обоих переводах «уменьшительность» *тротуарчика* и части *оконца* была нейтрализована, но в целом переводы вполне адекватны. Проблема в том, что здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда и в оригинале затруднительно определить однозначно, выражена ли в данных диминутивах «уменьшительность» предмета или «ласкательность» по отношению к нему, и решение зависит от интерпретации контекста. Кроме того, вполне вероятно, что в отдельных случаях могут реализоваться сразу обе возможности, и тогда уменьшительность и ласкательность окажутся нераздельны.

Эту трудность восприятия и перевода булгаковского романа хорошо иллюстрируют не раз встречающиеся в тексте одни и те же диминутивы, трактуемые в разных контекстах совершенно различно. Так, в нижеследующем описании Маргариты, нетерпеливо ожидающей назначенного времени, чтобы намазаться кремом Азазелло (табл. 2), *часики* – это чисто размерный диминутив, тогда как в сцене фокуса Коровьева с часами Римского это уже диминутив сугубо экспрессивный. Аналогичным образом обстоит дело и со словом *квартирка* применительно к подвальчику мастера и при оценке «нехорошей квартиры», например, буфетчиком театра Варьете (табл. 2). Отметим, что в обоих переводах эта разница была воспроизведена вполне успешно.

Проверка на достаточно протяженных связных фрагментах текста романа индексального потенциала диминутивов, выявленного на отдельных примерах, подтвердила сделанные выводы. Был, в

Сопоставление размерных и экспрессивных значений диминутивов

Золотой браслет с часиками лежал перед Маргаритой Николаевной рядом с коробочкой, полученной от Азазелло, и Маргарита не сводила глаз с циферблата. <i>Her gold wrist-watch lay in front of her alongside the little box given her by Azazello, and Margarita was staring at the watch-face.</i> (Г.) <i>A gold bracelet with a watch lay in front of Margarita Nikolaevna, beside the box she had received from Azazello, and Margarita did not take her eyes from its face.</i> (П., В.)	– Ваши часики? Прошу получить, – развязно улыбаясь, сказал клетчатый и на грязной ладони подал растерянному Римскому его собственность. <i>'Your watch, sir? There you are,' said the man in checks. Smiling nonchalantly, he proffered the watch to its owner on his dirty palm.</i> (Г.) <i>"Tour little watchie? Kindly take it," the checkered one said, smiling casually and offering the bewildered Rimsky his own property on a dirty palm.</i> (П., В.)
<...> совершенно отдельная квартирка, и еще передняя, и в ней раковина с водой... <i>'A completely self-contained little flat and a hall with a sink and running water...'</i> (Г.) <i>"A completely private little apartment, plus a front hall with a sink in it..."</i> (П., В.)	"Господи боже мой! – подумал нервный, как все буфетчики, Андрей Фокич, – воm квартирка!" <i>'Oh my God!' thought Andrei Fokich, nervous as all barmen are, 'what a place!'</i> (Г.) <i>"Oh, Lord God! ..." thought Andrei Fokich, nervous like all barmen. "A nice little apartment!..."</i> (П., В.)

частности, подробно проанализирован отрывок из Главы 24 объемом 3,5 страницы, где задействованы и проявляют себя вербально разные персонажи – Воланд с частью свиты (Азазелло), Маргарита, печально известная благодаря разлитому на трамвайных путях маслу Аннушка по прозвищу Чума и, наконец, сам автор-повествователь. Наша задача – проследить, как работают диминутивы на социокультурную идентификацию персонажей в созданном Булгаковым художественном пространстве и удастся ли переводчикам воспроизвести достигнутый в оригинале эффект по-английски.

Воланд дарит Маргарите на память «**небольшую золотую подкову, усыпанную алмазами**». Она «**уложила подкову в салфетку и затащила ее узлом**». Это сообщает читателю автор, речь которого нейтральна в плане использования диминутивов, что было замечено также за Воландом и Маргаритой, так что есть все основания полагать, основываясь на ранее сделанных наблюдениях, что повествователь и здесь подстраивает свой голос под манеру общения описываемых персонажей. Спускаясь по лестнице, Маргарита обронила сверток с подковой, а обнаружив это, воскликнула (в полном соответствии с нашими ожиданиями, не используя уменьшительно-ласкательных форм): «**Боже, я потеряла подкову!**» Тем временем,

подкову находит Аннушка, и тон повествователя, описывающего, как это произошло, кардинально меняется во всех отношениях, однако мы будем по-прежнему отслеживать лишь один лингвистический показатель, находящийся в настоящий момент в фокусе нашего внимания. На читателя потоком обрушиваются уменьшительно-ласкательные формы слов: к изначально заданной гипокористике *Аннушка* добавляются исходящие от автора «*салфеточка с чем-то тяжелым*» и «*развернула сверточек*», к которым присоединяются уже мысли самой героини: «*Камушки-то можно выковырять... И по одному камушку: один на Петровку, другой на Смоленский...*». Тут на лестничной площадке появляется Азazelло, отправившийся искать оброненный Маргаритой подарок, и первой же репликой четко вписывается в стилистику общения типичных москвичей 1930-х годов, изображенную Булгаковым как смесь легко сменяющих друг друга крика, грубости, унижения и заискивания: «*Давай подкову и салфеточку*». «*Какую такую салфеточку-подкову? – спросила Аннушка, притворяясь весьма искусно, – никакой я салфеточки не знаю*». Будучи придушена Азazelло до полубморочного состояния, Аннушка вспомнила: «*Ах, подковочку, – заговорила она, – сию минуту! Так это ваша подковочка? А я смотрю, лежит в салфеточке...*» А затем вступил автор-повествователь, насколько возможно, в унисон со своими героями: «*Получив подковочку и салфеточку, иностранец начал расшаркиваться перед Аннушкой...*» Снова Азazelло: «*Я вам глубочайше признателен, мадам. Мне эта подковочка дорога как память*», а потом с нижнего пролета лестницы: «*Ты, старая ведьма, если когда еще поднимешь чужую вещь, в милицию ее сдавай, а за пазуху не прячь!*»

Очевидно, что экспрессивные диминутивы в пространстве булгаковского романа обладают мощным индексальным потенциалом идентификации и типизации персонажей, установления их принадлежности к «своим» либо «чужим», предоставляя к тому же богатый ресурс комического тем героям, кто, подобно свите Воланда или самому автору-рассказчику, легко меняет голоса и маски, попадая в стан «чужих». Для русскоязычного читателя все это достаточно очевидно, во всяком случае на интуитивном, подсознательном уровне ирония и сарказм воспринимаются правильно и вызывают ожидаемую реакцию. Что же происходит в переводе? Выше был рассмотрен ряд примеров, свидетельствующих о том, что проанализированные нами переводы выполнены качественно и высокопрофессионально, при этом в основу их положены две разные

стратегии – доместикации (М. Гленни) и форенизации (Р. Пивер и Л. Волохонская) текста, и удачные решения, как можно убедиться из приведенных примеров, есть в обоих переводах. Однако в данном случае переводчики оказываются заложниками асимметрии грамматических систем русского и английского языков как раз в том их аспекте, который создатель «Мастера и Маргариты» избрал в качестве одного из лингвистически релевантных личностных индексов созданной им системы персонажей. В результате, по совершенно объективным обстоятельствам [Фетисова, 2019], только что детально рассмотренное нами иронично-саркастическое многоголосье в сцене с «подковочкой и салфеточкой» не получилось ни в одном из переводов, сведясь к несколько не смешному повторению на разные лады одних и тех же слов *horseshoe* и *napkin / serviette*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буряковская А.А. Диминутивность в английской языковой картине мира: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. Тула, 2008.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
3. Лескина С.В., Слабко Ю.В. Представленность разноуровневых диминутивов в русском и английском языке // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12. № 1. С. 15–21.
4. Менькова Н.В. Русские диминутивы в английском переводе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 174–179.
5. Милославский И.Г. Говорим правильно по смыслу или по форме? М., 2013.
6. Панков Ф.И. Русские диминутивы и интернет // Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Сборник статей II Международной научно-практической конференции: В 2 т. / Под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. 2018. Т. 2. С. 178–184.
7. Полубиченко Л.В. Речевой портрет коллективной культурно-языковой личности как проблема художественного перевода // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XVII. Вып. 1. 2020. С. 20–24
8. Фетисова Н.А. Передача в переводе иронии, реализованной при помощи диминутивов (на материале рассказов Т. Толстой и их переводов на английский язык) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 173–179.
9. Фуфаева И.В. Диминутивные замены в русском словаре: типы, семантика и роль в развитии языка // Культура и цивилизация. 2016а. Т. 6. № 5А. С. 120–129.
10. Фуфаева И.В. Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016б. № 3. С. 257–266.
11. Шлыкова Л.А. Диминутивы в современном русском языке // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2018. № 5. С. 270–274.

Lydia V. Polubichenko

**DIMINUTIVES AS LINGUISTICALLY RELEVANT
PERSONAL INDEXES IN MIKHAIL BULGAKOV'S NOVEL
THE MASTER AND MARGARITA
AND THEIR RENDERING IN TRANSLATION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with one of the most complicated aspects of the theory of artistic translation, i.e. recreation of the speech portrayal of a literary character in another language and within a different culture underlying it. The material under analysis is Mikhail Bulgakov's landmark novel *The Master and Margarita* and two of its widely acknowledged translations produced by Michael Glenny (1967) and Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (1997). The text of the novel abounds with lexical diminutives of all kinds, which enabled us to put forward a hypothesis that diminutives underlie and inform the complex multilayer system of the characters of the novel and their speech portrayals. Thus, diminutiveness is viewed as a linguistically relevant personal index. The research has shown that within the framework of the novel, expressive diminutives possess a large indexical capacity to identify and typify the characters as 'us' and 'them' as well as provide a rich source of humour and comic relief for those characters who, like Woland's entourage or the narrator himself, are good at changing masks and voices when confronted with 'them'. Due to the asymmetry of the Russian and English morphological systems, consistent recreation of the characters' speech portrayals based on lexical diminutives, does not seem possible in translation, which does not preclude, however, occasionally finding excellent translation solutions.

Key words: diminutive; dimensional diminutive; expressive diminutive; translation; artistic translation; speech characteristic; speech portrayal; Mikhail Bulgakov; *The Master and Margarita*.

About the author: *Lydia V. Polubichenko* – Dr.habil in Philology, Professor, Head of English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lpolubichenko@mail.ru).

REFERENCES

1. Buryakovskaya A.A. 2008. *Diminutivnost' v angliiskoi yazykovoi kartine mira: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Diminutivnost in an English language picture of the world: avtoref. dis. cand. of phil. sciences]: 10.02.04 [Mesto zashchity: Voronezh. gos. un-t]. Tula. (In Russ.)
2. Karasik V.I. 2002. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena. (In Russ.)
3. Leskina S.V., Slabko Yu.V. 2015. Predstavlenost' raznourovnevykh diminutivov v russkom i angliiskom yazyke [Multi-level representation of diminutives in Russian and English]. *South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*, vol. 12, no. 1, pp. 15–21. (In Russ.)

4. Men'kova N.V. 2010. Russkie diminutivy v angliiskom perevode romana M.A. Bulgakova "Master i Margarita" [The Russian Diminutives in English Translation of the Novel by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita"]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 3, pp. 174–179 (In Russ.)
5. Miloslavskii I.G. 2013. *Govorim pravil'no po smyslu ili po forme?* [Do we speak correctly by meaning or by form?] Moscow. (In Russ.)
6. Pankov F.I. 2018. Russkie diminutivy i internet [Russian diminutives and the Internet]. *Yazyk i rech' v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura* In Dolzhikova A.V., Barabash V.V. (eds), vol. 2, pp. 178–184. (In Russ.)
7. Polubichenko L.V. 2020. Rechevoi portret kollektivnoi kul'turno-yazykovoii lichnosti kak problema khudozhestvennogo perevoda [Speech portrayal of a collective culturally conditioned language identity as a problem of artistic translation]. *The Humanities And Social Studies in the Far East*, vol. XVII, no. 1, pp. 20–24. (In Russ.)
8. Fetisova N.A. 2019. Peredacha v perevode ironii, realizovannoi pri pomoshchi diminutivov (na materiale rasskazov T. Tolstoi i ikh perevodov na angliiskii yazyk) [Translating irony created by diminutives (a case study of Tatyana Tolstaya's short stories and their translations into English)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 173–179. (In Russ.)
9. Fufaeva I.V. 2016a. Diminutivnye zameny v russkom slovare: tipy, semantika i rol' v razvitiu yazyka [Diminutive substitutions in the Russian dictionary: types, semantics and the role in language development]. *Culture and Civilization*, vol. 6, no. 5A, pp. 120–129. (In Russ.)
10. Fufaeva I.V. 2016b. Ekspansiya ekspressivnykh diminutivov v russkom yazyke [Expansion of expressive diminutives in Russian]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 3, pp. 257–266. (In Russ.)
11. Shlykova L.A. 2018. Diminutivy v sovremennom russkom yazyke [Diminutives in the Russian language]. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, no. 5, pp. 270–274. (In Russ.)